

В. С. Храковский

НЕСОВЕРШЕННЫЙ ВИД: ОПЫТ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЧАСТНЫХ ЗНАЧЕНИЙ¹

Институт лингвистических исследований РАН, Российская Федерация, 199053, Санкт-Петербург, Тучков пер., 9

В статье анализируются инвариантное значение и частные значения несовершенного вида в современном литературном русском языке. Автор присоединяется к точке зрения, в соответствии с которой инвариантное значение несовершенного вида характеризуется как неизменность. Что касается частных значений, то в статье наряду с традиционно выделяемыми актуально-длительным и общефактическим значениями предлагается выделять неактуально-длительное, одной из разновидностей которого является повторительное значение. Библиогр. 28 назв.

Ключевые слова: несовершенный вид, глагол, значение, категория, ситуация, мультипликатив, итератив.

IMPERFECTIVE ASPECT: A TENTATIVE INTERPRETATION OF SPECIFIC MEANINGS

Victor S. Khrakovskij

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, 9, Tuchkov per., Saint-Petersburg, 199053, Russian Federation

The paper discusses the invariant meaning and specific meanings of the Imperfective Aspect in modern literary Russian in terms of the views characterizing the invariant meaning as a unchangeability. In addition to the traditionally identified specific imperfective meanings (e.g., actual-durative and experiential meanings), the paper proposes to identify the non-actual-durative meaning with the repetitive meaning as one of its sub-varieties. Refs 28.

Keywords: Imperfective Aspect, verb, meaning, category, situation, multiplicative, iterative.

В современной славянской и прежде всего русской аспектологии, очевидно, существуют три точки зрения относительно формального статуса категории глагольного вида: 1) вид — словоизменятельная грамматическая категория, тесно взаимодействующая с категориями времени и наклонения и образующая вместе с ними триаду так называемых ТАМ-категорий; 2) вид — словоклассифицирующая категория; 3) вид — промежуточная категория, которой присущи черты как словоизменятельной, так и словоклассифицирующей категории — ср. [1; 2; 3; 4; 5].

Самой распространенной можно считать трактовку вида как словоизменятельной грамматической категории. В рамках данной трактовки, которой я буду придерживаться в этой статье, наиболее приемлемое, на мой взгляд, определение категории вида предложено Ю.С. Масловым: «Вид глагольный (в междунар. терминологии — аспект) — грамматическая категория глагола, обобщенно указывающая, “как протекает во времени действие или как распределяется во времени” (А.М. Пешковский) обозначенное глаголом действие» [6, с.83; 7, с.500]. При этом Ю.С. Маслов обратил внимание на то, что «исследуя семантическое содержание славянского глагольного вида, не следует ограничиваться поисками или конструированием “общего значения”, или “семантического инварианта”. Полезнее обратиться

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда. Проект № 14-18-03406. Статья представляет собой сокращенную и переработанную версию публикации [28].

внимание на частные видовые значения СВ и НСВ, проявляющиеся в различных типах речевого контекста» [8, с. 70–71]. При подготовке этой статьи я руководствовался указанной рекомендацией Ю. С. Маслова.

Исходным пунктом моей работы послужило известное в типологической литературе утверждение, согласно которому в различных неродственных языках в формах имперфектива совмещаются значения дуратива (срединная фаза актуальной ситуации) и хабитуалиса (неограниченное повторение ситуаций). Предполагается, что такое совмещение значений основано на их семантической близости, что допускает наличие единого полисемичного (имперфективного) показателя для выражения этих значений. Типичным примером такого имперфективного кластера принято считать формы несовершенного вида в восточно-славянских языках, ср. [9, с. 402]. Однако на материале русского языка мы попытаемся показать, что речь идет не о совмещении двух семантически близких значений, а о совмещении двух частных значений одного и того же общего значения.

Вопрос об общем количестве частных значений НСВ и критериях их выделения продолжает оставаться дискуссионным, и пока неясно, можно ли сформулировать разумные требования к операционным или иным критериям выделения частных значений таким образом, чтобы получить определенное конечное количество частных значений, которое бы адекватно отражало реальное положение дел. В то же время многие — если не все — аспектологи, очевидно, согласны в том, что у граммы НСВ, наряду с частным актуально-длительным (иначе конкретно-процессным) собственно дуративным значением, есть группа частных значений, традиционно относящихся к сфере количественной аспектуальности (см. [10]), которые можно рассматривать как варианты одного повторительного значения.

Я имею в виду такие значения, как неограниченно-кратное, многократное, итеративное, хабитуальное, узуальное, не исключая при этом, что некоторые из перечисленных терминов могут у разных авторов использоваться для обозначения одного и того же частного значения. Указанные значения в той или иной комбинации присутствуют практически в любой классификации частных значений НСВ и занимают высокое место в иерархии этих значений.

Именно неограниченно-кратное наряду с актуально-длительным (конкретно-процессным) А. В. Бондарко относит к самым важным частным значениям НСВ. По его словам, «основным среди частных значений НСВ следует признать конкретно-процессное». При этом он отмечает, что «одну из верхних ступеней в рассматриваемой иерархии занимает неограниченно-кратное значение (речь может идти о втором месте в комплексе двух основных значений)» [11, с. 385].

Заметим, что Е. В. Падучева в своей последней классификации видовых значений, используя в качестве обобщающего для всех вариантов повторительного значения в сфере количественной аспектуальности термин «итератив», рассматривает это значение наравне со значением «неизменность», которое трактуется как инвариантное значение НСВ в сфере линейной аспектуальности [12]². Таким образом, Е. В. Падучева, хочет она этого или нет, фактически рассматривает повторительное

² Возможно, впервые мысль о том, что НСВ выражает неизменность, высказана в работе [13], однако там и итеративное значение включается в неизменность, на что мы специально обращаем внимание.

значение не как частное и тем самым говорит о наличии у НСВ двух семантически независимых общих значений.

Однако если актуально-длительное (конкретно-процессное) и повторительное (итеративное) являются значениями одной граммемы, то они в соответствии с современными представлениями должны быть элементами одной семантической сети и тем самым должны быть не просто семантически связанными друг с другом, но семантически близкими друг другу³. Как ни странно, в известной мне аспектологической литературе вопрос о семантической связи этих двух значений, если не ошибаюсь, в принципе не ставится и, соответственно, их семантическая близость никак не аргументируется. Обычно частные значения несовершенного вида задаются путем их перечисления, при этом указывается специфика каждого значения, но не семантические связи между ними — ср. [11; 12; 15]⁴.

Правда, с опорой на типологическую классификацию признается, что актуально-длительное значение (иначе дурагив) относится к так называемой линейной аспектуальности (иначе к первичному аспекту), тогда как повторительное значение относится к так называемой количественной аспектуальности (вторичному аспекту). Но если дело обстоит именно таким образом, то можно ли постулировать семантическую близость этих значений? Впрочем, повторительное значение в типологии в последнее время вообще переносится из сферы аспектуальности в самостоятельную сферу глагольной множественности [9], и, значит, вопрос о семантической близости этих значений становится неуместным.

Согласие с такой точкой зрения означает, что эти значения семантически не связаны друг с другом и, следовательно, не должны быть частными значениями одной граммемы и маркироваться одним и тем же показателем. Ниже мы попробуем найти адекватное решение этой, на первый взгляд парадоксальной, ситуации.

Тезис, который я хочу защитить, заключается в следующем. У граммемы НСВ нет повторительного значения (ср. [16]). Из сказанного не следует, что это значение (в любых вариантах) не выражается в высказываниях с глагольной формой НСВ. Но когда оно выражается, то граммема НСВ имеет либо стандартное актуально-длительное значение, либо значение, которое предлагается называть неактуально-длительным и которое будет охарактеризовано несколько позже⁵.

Будем исходить из того, что в принципе следует различать повторяющиеся ситуации, которые происходят в один период времени и фиксируются наблюдателем, и повторяющиеся ситуации, каждая из которых соотносится со своим отдельным периодом времени, причем ни в один из этих периодов времени не входит момент речи, и соответственно эти ситуации не являются наблюдаемыми.

Повторяющиеся ситуации первого типа в основном относятся к мультипликативной последовательности ситуаций, выражающейся прежде всего неопределенно-

³ Ср.: «Как правило, бывает так, что если у формы несколько значений, то они связаны между собой: чаще всего производное значение мотивировано исходным значением и контекстом» [14, с. 56].

⁴ В [17, с. 63] отмечается, что общие нетривиальные черты есть у актуально-длительного и многократного значений. Имеется в виду «способность обозначать не только единичные, но и повторяющиеся действия в серединной фазе их осуществления».

⁵ Этот термин мы заимствуем из работы [17, с. 62], где он используется для обозначения единичных статических ситуаций, однако, как будет видно, наполняем его несколько иным, более широким содержанием.

ми глаголами НСВ (типа *качать, кивать, мигать, толкать, скрипеть, шаркать*). Эти глаголы принято называть мультипликативными. Последовательное осуществление ситуаций в данном случае выражается лексемой глагола (а не значением граммы НСВ) — ср. [10, с. 25]:

- (1) *Учитель, не имея никакого инструмента, вместе со всеми толкал камень руками* (В. Быков. НКРЯ).

Сходную с мультипликативной последовательность ситуаций выражают глаголы НСВ (типа *ерзать, оглядываться, бросать, переворачивать*), однако у них последовательное осуществление ситуаций маркируется граммой НСВ. Соотносительные глаголы СВ, если они есть, обозначают объективно краткие, моментальные действия, в силу чего такие глаголы принято называть моментативами (или, по З. Вендлеру, глаголами происшествий):

- (2) *Васька Рябов смущенно ерзал, ударяя то и дело латунной бляхой по краю стола. Гаенко нетерпеливо оглядывался* (С. Довлатов. НКРЯ).

Фактически такую же последовательность ситуаций выражают и реципрокальные глаголы НСВ (типа *перемигиваться, переговариваться*), которые обозначают одни и те же взаимные действия двух и более агентов, происходящие в один период времени:

- (3) *Что меня поразило, так это реакция больных. Смотрели на меня одобрительно, кивали, переглядывались* (И. Грекова. НКРЯ).

Впрочем, повторяющиеся ситуации, которые происходят в один период времени, могут относиться и к дистрибутивной последовательности ситуаций [10, с. 34]:

- (4) *Он старается идти прямо, но ноги его плохо слушаются, и он то и дело опирается то на одну сестру, то на другую* (zhurnal.lib.ru).

В данном примере речь идет о ситуации, которая неоднократно повторяется на глазах у наблюдателя, что маркируется обстоятельством *то и дело*, а дистрибутивное прочтение обеспечивается актантом *то на одну сестру, то на другую*.

Во всех подобных примерах, с моей точки зрения, у граммы НСВ — актуально-длительное значение (ср. [18]). В этой трактовке мы опираемся на суждение, согласно которому «продолжительность действия во времени проявляется в двух формах: в длительности в узком понимании как непрерывной тождественности и длительности в широком понимании как повторяющейся (прерывной) тождественности действия» [19, с. 55].

Иными словами, одинаковые ситуации, следующие друг за другом, через некоторые (небольшие) временные интервалы во время одного раунда (или окна) наблюдения, можно воспринимать как одну длящуюся ситуацию, состоящую из одинаковых фрагментов⁶. Таким образом, повторяемость ситуаций, осуществляемая во время одного периода времени и выражаемая лексическими, грамматическими и контекстными средствами, свидетельствует лишь о том, что у граммы НСВ —

⁶ Можно думать, что именно этот случай имела в виду Е. В. Падучева, выделяя в классификации 1996 г. так называемое многократное значение (Ты зачем каждую минуту открывал окно?), которое отсутствует в ее классификации 2012 г. — ср.: [15, с. 10] и [12, с. 34].

актуально-длительное значение (длительность в широком понимании) и, следовательно, самостоятельного повторительного значения у нее нет.

В принципе количественную аспектуальность данного типа можно рассматривать как частный случай линейной аспектуальности, поскольку повторяющиеся ситуации следуют друг за другом во время одного раунда наблюдения и представляют в совокупности, по словам В. А. Плунгяна [9, с. 400], «длительный процесс».

Повторяющиеся, т. е. следующие друг за другом ситуации, каждая из которых соотносится со своим отдельным периодом времени, причем ни в один из этих периодов времени не входит момент речи (и, соответственно, они не являются наблюдаемыми), относятся к итеративной последовательности ситуаций.

В данном случае говорящий, который не наблюдает ни одной из следующих друг за другом ситуаций, осознает — или, иначе говоря, точно знает, — что цепочка ситуаций началась до и будет продолжаться после момента речи. Иными словами, говорящий как бы находится внутри этой цепочки.

Стандартным маркером повторительного значения служат итеративные обстоятельства. К итеративным, в частности, относятся обстоятельства цикличности (типа *каждый день, ежегодно, по праздникам*), обстоятельства интервала (типа *редко, часто, регулярно*), обстоятельства узитативности (типа *обычно, обыкновенно*):

- (5) *Вечерами Кямал учил со Снежаной уроки, играл с Сашей в шахматы* (В. Токарева. НКРЯ).
- (6) *Славе тут же сказала: «Сядь, пожалуйста, найди полчаса и послушай невицу, которую ты раньше часто слушал и очень редко слышал!»* (С. Спивакова. НКРЯ).
- (7) *Мне всегда нравились женщины старше меня, что в общем-то логично по Фрейду. Но обычно я влюблялся в учительниц* (С. Ткачева. НКРЯ).

Возможны и такие случаи, когда в предложениях с формами НСВ на первый взгляд «нет каких-либо эксплицитных указаний на повторяемость обозначаемой ситуации» [20, с. 63]. К числу таких предложений Ю. П. Князев относит, в частности, и следующий пример:

- (8) *Он будет пересаживаться с самолета в поезд и с поезда в такси, жить в гостиницах, обедать в ресторанах, купаться в соленых морских волнах и дышать ионизированным воздухом взморья* (В. Аксенов. Звездный билет).

По моему мнению, в этом примере на итеративную повторяемость перечисляемых ситуаций эксплицитно указывают имена в актантных позициях.

Важно обратить внимание на то, что повторительное значение высказывания может быть выражено в предшествующем высказывании. Ср.:

- (9) *Что вы делаете по вечерам? Играем в преферанс.*

Повторительное значение второго предложения детерминируется эксплицитно выраженным повторительным значением в первом, вопросительном, предложении.

Заметим, что итерироваться может и мультипликативная последовательность ситуаций:

- (10) *Я ее обнимаю, с ней делюсь, она иногда мне шепчет что-то тайное, иногда кричит на меня, простужается, даже кашляет при плохой погоде* [И. Любарская. НКРЯ].

Только повторительное значение имеют моментальные глаголы в форме будущего времени НСВ:

- (11) *Он меня будет приглашать* (пример Е. В. Падучевой) [14, с. 77].

Специфичен случай, когда от глагола НСВ с помощью суффикса *-ива-/-ва-а* образуется производный глагол НСВ:

- (12) *Да, я не бедствовал, не голодал, не ходил в обносках, не мечтал годами о собственном автомобиле, а в ресторанах сиживал с пугающей родных и близких регулярностью* (И. Кио. НКРЯ).
- (13) *Мы с женой там бывали, захаживал туда и Борис Волин, в ту пору начальник Главлита* (Б. Ефимов. НКРЯ).

В этом, достаточно периферийном, случае сами глаголы благодаря суффиксу *-ива-/-ва-а* либо приставкам (типа *захаживать*) выражают повторительное значение.

Не претендуя на исчерпывающее описание всех контекстных способов выражения повторительного значения при итеративной последовательности ситуаций, зададимся вопросом: каково частное значение граммы НСВ во всех высказываниях с формой глагола НСВ, в которых выражается повторение одной и той же ситуации? В этой связи еще раз обратим внимание на то, что все следующие друг за другом ситуации происходят в разные периоды времени и при этом говорящий в момент речи не наблюдает ни одной из них.

По моему мнению, во всех подобных высказываниях повторительное значение представляет собой разновидность неактуально-длительного значения граммы НСВ, которое в этом варианте может быть охарактеризовано следующим образом. Имеет место следующая одна за другой через некоторые временные интервалы одна и та же ситуация Р, обозначаемая лексемой глагола НСВ; фаза начала цепочки ситуаций Р остается в прошлом до момента речи; ни одна ситуация из этой цепочки не наблюдается в момент речи; ситуации Р будут следовать друг за другом и после момента речи. Ситуации, входящие в эту цепочку, могут рассматриваться как фрагменты длительной ситуации Р₁ более высокого уровня.

Основной вариант неактуально-длительного значения формулируется следующим образом. Имеет место (наблюдаемая или ненаблюдаемая) ситуация Р, которая началась до момента речи и будет продолжаться после момента речи (или существует постоянно). Фактически как минимум такие традиционно выделяемые частные значения НСВ, как континуальное (*Она работает в университете*) и постоянно-непрерывное (*Тропинка спускается к морю*), равно как и значение стативных глаголов (*Петя любит Машу*), представляют собой варианты неактуально-длительного значения — ср. [17, с. 62].

В итоге мы приходим к выводу, что количественную аспектуальность итеративного типа, так же как количественную аспектуальность мультипликативного типа, можно рассматривать как частный случай линейной аспектуальности.

Цепочку повторяющихся ситуаций итеративного типа можно сравнить с кинолентой, в которой повторяется один и тот же кадр; а стыки кадров представляют собой интервалы между повторяющимися ситуациями, и фактически на протяжении всей киноленты изображение остается одним и тем же.

Иными словами, повторительное значение итеративного типа свидетельствует о том, что граммеме НСВ присуще неактуально-длительное значение. Это значение хорошо коррелирует с актуально-длительным значением. Оба эти значения являются вариантами основного инвариантного значения граммемы НСВ, которое характеризуется как *неизменность*.

Заметим, между прочим, что предложенная трактовка дает естественное объяснение совмещению дуратива и хабитуалиса в имперфективных формах разных языков. Речь идет не о полисемичном показателе имперфективного кластера (ср. [9, с. 402]), а о реализации актуально-длительного и неактуально-длительного значений, представляющих собой два частных значения одного общего инвариантного значения неизменности.

Высказанные здесь соображения возникли не на пустом месте. В свое время Ю. С. Маслов писал, что «неограниченно-кратное значение без труда можно истолковать как значение “процесса” (процесса неограниченного повторения данного действия)» [21, с. 308]. Далее, как мы уже отмечали, М. А. Шелякин предложил различать непрерывную и прерывную длительность действия. Однако еще до него Л. А. Быкова выделила «глаголы раздельно-кратной длительности и глаголы сплошной нераздельной длительности», а также кратность внешнюю (т. е. итеративного типа) и внутреннюю (т. е. мультипликативного типа) [22, с. 94, 96]. Затем Й. Крекич противопоставляет действия монотемпоральные (повторение мультипликативного типа) и политемпоральные (повторение итеративного типа) [23]. Наконец, Ю. П. Князев обратил внимание на то, что повторяющаяся ситуация «в целом... продолжает рассматриваться интрагерминально, в серединной фазе своего многократного осуществления» [24, с. 89–90].

Именно эти идеи и привели меня к мысли, что у граммемы НСВ нет реализующегося в разных вариантах повторительного значения и что во всех случаях, когда в высказываниях с формой НСВ реализуется тот или иной вариант повторительного значения, граммеме НСВ присуще либо актуально-длительное значение (следующие друг за другом ситуации реализуются в один период времени), либо неактуально-длительное значение (следующие друг за другом ситуации реализуются в разные периоды времени).

В заключение должен отметить, что постулирование наряду с актуально-длительным неактуально-длительного значения (они представляют собой частные значения одного инвариантного значения) в целом не решает проблемы семантической близости всех частных значений НСВ. За рамками данной работы осталось представленное рядом вариантов общефактическое значение, которое еще Ю. С. Маслов считал скорее перфективным, но тем не менее выражающимся имперфективной формой. По его словам, «общефактическое значение НСВ отличается от конкретно-фактического значения СВ лишь тонким, хотя и ясно ощутимым оттенком, порой с трудом переводимым на какой-нибудь неславянский язык. В определенных контекстах, даже и в русском языке, этим оттенком вполне можно пренебречь» [8, с. 78]. На мой взгляд, суть этого оттенка, которым все-таки не

следует пренебрегать, состоит в том, что факт выражается без акцентуации идеи изменения, каковое является инвариантным значением СВ. Тем самым факт предстает как (однократный или неоднократный) процесс — ср. [25]. А отсутствие идеи изменения составляет суть инвариантного значения НСВ. Соответственно общефактическое значение с полным правом является частным значением НСВ, хотя оно по ряду компонентов действительно сближается с конкретно-фактическим значением СВ. Как известно, в настоящее время принято различать нарративный и ретроспективный режимы речи. И если актуально-длительное и неактуально-длительное значения НСВ относятся к нарративному режиму, то общефактическое значение НСВ, которое в отличие от них реализуется не в настоящем времени, но, как и значения СВ, в прошедшем, относят к ретроспективному режиму — ср. [9; 26; 27]. Тем самым общефактическое значение НСВ представляет собой явное отклонение от ожидаемой нормы нарративного режима, и в этом смысле оно является периферийным, однако подобная ситуация вполне возможна в тех случаях, когда речь идет о маркировании не вполне четких переходных явлений.

Литература

1. *Аркадьев П. М.* Заметки о типологии перфектива // Иванов Вяч.Вс. (ред.). *Ареальное и генетическое в структуре славянских языков*. М., 2007. С. 17–30.
2. *Храковский В. С.* Грамматические глагольные ТАМ-категории: вид, время, наклонение (иерархия и взаимодействие) // *Известия Смоленского гос. ун-та*. 2012. Т. 2(18). С. 104–136.
3. *Chrakovskij V. S.* Hierarchy and Interaction of Russian Verb Categories (Aspect, Tense, Mood) // *Scando-Slavica*. 2012. Vol. 58, N 1. P. 49–76.
4. *Dahl Ö.* Tense and Aspect Systems. Oxford: Blackwell, 1985. 213 p.
5. *Bybee J., Dahl Ö.* The Creation of Tense and Aspect Systems in the Languages of the World // *Studies in Language*. 1989. Vol. 13 (1). P. 51–103.
6. *Маслов Ю. С.* Вид // *Лингвистический энциклопедический словарь*. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 83–84.
7. *Маслов Ю. С.* Вид // *Избранные труды*. М., 2004. 840 с.
8. *Маслов Ю. С.* Очерки по аспектологии. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. 262 с.
9. *Плунгян В. А.* Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011. 670 с.
10. *Храковский В. С.* Семантические типы множества ситуаций и их естественная классификация // *Типология итеративных конструкций*. Л.: Наука, 1989. С. 5–53.
11. *Бондарко А. В.* Теория значения в системе функциональной грамматики. М.: Языки славянских культур, 2002. 736 с.
12. *Падучева Е. В.* Русский имперфектив: инвариант и контекстные значения // II Международный научный симпозиум «Славянские языки и культуры в современном мире»: труды и материалы. М.: Изд-во МГУ, 2012. С. 33–35.
13. *Galton H.* A new theory of the slavic verbal aspect // *Archivum Linguisticum*. 1964. Vol. 16, fasc. 2. P. 133–144.
14. *Падучева Е. В.* Дискурсивные слова и категории: режимы интерпретации // *Исследования по теории грамматики*. 4. Грамматические категории в дискурсе. М.: Гнозис, 2008. С. 56–86.
15. *Падучева Е. В.* Семантические исследования. М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.
16. *Храковский В. С.* Сколько контекстно-обусловленных повторительных значений у глаголов НСВ в русском языке? // *Глагольный вид: грамматическое значение и контекст*. III Конференция комиссии по аспектологии Международного комитета славистов: тезисы. Padova, 2011. С. 21–23.
17. *Князев Ю. П.* Грамматическая семантика. Русский язык в типологической перспективе. М.: Языки славянских культур, 2007. 704 с.
18. *Шатуновский И. Б.* Проблемы русского вида. М.: Языки славянских культур, 2009. 349 с.
19. *Шелякин М. А.* Категория вида и способы действия русского глагола. Таллин: Валгус, 1983. 216 с.

20. Князев Ю. П. Воздействие референции к будущему на противопоставление видов в русском языке // АСТА LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН. СПб.: Наука, 2014. Т. X, Ч. 2. С. 43–70.
21. Маслов Ю. С. Глагольный вид в современном болгарском языке // Вопросы грамматики болгарского литературного языка. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 157–313.
22. Быкова Л. А. О видовой соотносительности приставочных глаголов несовершенного вида со значением сложного длительного действия // Труды филол. ф-та Харьковского гос. ун-та им. А. М. Горького. 1960. Т. 8. С. 93–105.
23. Крекич Й. Семантика и прагматика временно-предельных глаголов. Будапешт: Танкёньвки-адо, 1989. 287 с.
24. Knjazev Ju. Источники неограниченно-кратной интерпретации несовершенного вида в русском языке: лексическое значение, способ действия, синтаксис // Семантический спектр славянского вида. IV Конференция Комиссии по аспектологии Международного комитета славистов. Гётеборгский университет, 10 июня — 14 июня 2013 г. Göteborg: Göteborgs universitet, 2013. P. 87–90.
25. Dickey S. M. On the Development of the Imperfective General-Factual in Russian // Scando-Slavica. 2012. Vol. 58, N 1. P. 7–48.
26. Князев Ю. П. Сильные и слабые позиции видового противопоставления // Фортунатовский сборник. М.: УРСС, 2000. С. 134–145.
27. Барентсен А. Об отношениях между «ретроспективностью» и «перфектностью» // Заседание Комиссии по изучению грамматических структур славянских языков Международного комитета славистов. Любляна: Univerza v Ljubljani Filozofska fakulteta, 2014. С. 18–19.
28. Храковский В. С. Есть ли у несовершенного вида в русском языке повторительное (неограниченно-кратное / многократное / итеративное / узуальное / хабитуальное) значение? // Вопросы языкознания. 2014. № 4. С. 3–14.

References

1. Arkadyev P. M. [Notes on the typology of the perfective]. *Areal'noe i geneticheskoe v strukture slavi-anskikh iazykov* [Areal and genetic in the structure of the Slavonic languages]. Moscow, 2007, pp. 17–30. (In Russian)
2. Khrakovskiy V. S. Grammaticheskie glagol'nye TAM-kategorii: vid, vremia, naklonenie (ierarkhiia i vzaimodeistvie) [Grammatical verbal TAM-categories: Aspect, tense, mood (hierarchy and interaction)]. *Izvestiia Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta* [Izvestiya of Smolensk State University], vol. 2(18), 2012, pp. 104–136. (In Russian)
3. Chrakovskij V. S. Hierarchy and Interaction of Russian Verb Categories (Aspect, Tense, Mood). *Scando-Slavica*, 2012, vol. 58, no. 1, pp. 49–76.
4. Dahl Ö. *Tense and Aspect Systems*. Oxford, Blackwell, 1985. 213 p.
5. Bybee J., Dahl Ö. The Creation of Tense and Aspect Systems in the Languages of the World. *Studies in Language*, 1989, vol. 13, no. 1, pp. 51–103.
6. Maslov Yu. S. [Aspect]. *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'* [Linguistic encyclopedic dictionary]. Moscow, Sovetskaiia entsiklopediia, 1990, pp. 83–83. (In Russian)
7. Maslov Yu. S. *Izbrannye trudy* [Selected works]. Moscow, 2004. 840 p. (In Russian)
8. Maslov Yu. S. *Ocherki po aspektologii* [Essays on the aspectology]. Leningrad, Leningrad Univ. Press 1984. 262 p. (In Russian)
9. Plungyan V. A. *Vvedenie v grammaticheskuiu semantiku: grammaticheskie znacheniiia i grammaticheskie sistemy iazykov mira* [Introduction into the grammatical semantics: Grammatical meanings and grammatical systems of the languages of the world]. Moscow, 2011. 670 p. (In Russian)
10. Khrakovskiy V. S. [Semantic types of the set of the situations and their natural classification]. *Tipologiiia iterativnykh konstruktssii* [Typology of the iterative constructions]. Leningrad, Nauka Publ., 1989, pp. 5–53. (In Russian)
11. Bondarko A. V. *Teoriia znacheniiia v sisteme funktsional'noi grammatiki* [Theory of the meaning in functional grammar]. Moscow, Iazyki slavianskikh kul'tur Publ., 2002. 736 p. (In Russian)
12. Paducheva E. V. [Russian imperfective: Invariant and contextual meanings]. *II Mezhdunarodnyi nauchnyi simpozium «Slavianskie iazyki i kul'tury v sovremennom mire»* [II International scholarly symposium 'Slavonic languages and cultures in the modern world']. Moscow, MGU Publ., 2012, pp. 33–35. (In Russian)
13. Galton H. A new theory of the slavic verbal aspect. *Archivum Linguisticum*, 1964, vol. 16, fasc. 2, pp. 133–144.

14. Paducheva E. V. [Discourse words and categories: Interpretation modes]. *Issledovaniia po teorii grammatiki. 4. Grammaticheskie kategorii v diskurse* [Research on the theory of grammar. 4. Grammatical categories in discourse]. Moscow, Gnozis Publ., 2008, pp. 56–86. (In Russian)
15. Paducheva E. V. *Semanticheskie issledovaniia* [Semantic research]. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury Publ., 1996. 464 p. (In Russian)
16. Khrakovskiy V. S. [How many contextual recurrent meanings do the verbs of the imperfective aspect have in the Russian language?]. *Glagol'nyi vid: grammaticheskoe znachenie i kontekst. III Konferentsiia komissii po aspektologii Mezhdunarodnogo komiteta slavistov. Tezisy* [Verbal aspect: Grammatical meaning and context. III Conference of the commission for the aspectology of the International committee of the Slavists]. Padova, 2011, pp. 21–33. (In Russian)
17. Knayzev Yu. P. *Grammaticheskaiia semantika. Russkii iazyk v tipologicheskoi perspektive* [Grammatical semantics. The Russian language from the typological perspective]. Moscow, Iazyki slavianskikh kul'tur Publ., 2007. 704 p. (In Russian)
18. Shatunovskiy I. B. *Problemy russkogo vida* [Problems of the Russian aspect]. Moscow, Iazyki slavianskikh kul'tur Publ., 2009. 349 p. (In Russian)
19. Shelyakjin M. A. *Kategorii vida i sposoby deistviia russkogo glagola* [Category of the aspect and means of action of the Russian verb]. Tallinn, Valgus, 1983. 216 p. (In Russian)
20. Knyazev Yu. P. [Influence of the reference to the future on the opposition of the aspects in the Russian language]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticeskikh issledovaniy RAN* [Acta Linguistica Petropolitana. Proceedings of the Institute of the linguistic studies of the RAS]. Vol. X, Part 2. St. Petersburg, 2014. pp. 43–70. (In Russian)
21. Maslov Yu. S. [Verbal aspect in the modern Bulgarian language]. *Voprosy grammatiki bolgarskogo literaturnogo iazyka* [Grammatical issues of the Bulgarian literary language]. Moscow, 1959, pp. 157–313. (In Russian)
22. Bykova L. A. [On the aspect correlation of the verbs with prefixes of the imperfective aspect with the meaning of complex continuous action]. *Trudy filol. f-ta Khar'kovskogo gos. un-ta im. A. M. Gor'kogo* [Proceedings of the Philological faculty of Kharkov State University named after A. M. Gorky], 1960, vol. 8, pp. 93–105. (In Russian)
23. Krekich Y. *Semantics and pragmatics of the terminative verbs*. Budapest, 1989. 287 p.
24. Knjazev Ju. [Sources of the infinite many-fold interpretation of the imperfective aspect in the Russian language: Lexical meaning, mode of action, syntax]. *Semanticheskii spektr slavianskogo vida. IV Konferentsiia komissii po aspektologii Mezhdunarodnogo komiteta slavistov. Goteborgskii universitet, 10 iyunia — 14 iyunia 2013 g.* [Semantic specter of the Slavonic aspect. IV Conference of the commission on the aspectology of the International committee of the Slavists]. Göteborg, Göteborgs universitet, 2013, pp. 87–90. (In Russian)
25. Dickey S. M. On the Development of the Imperfective General-Factual in Russian. *Scando-Slavica*, 2012, vol. 58, no. 1, pp. 7–48.
26. Knyazev Yu. P. [Strong and weak positions of the aspect opposition]. *Fortunatovskii sbornik* [Fortunatov's proceedings]. Moscow, URSS Publ., 2000, pp. 134–145. (In Russian)
27. Barentsen A. [On the correlation between 'retrospectiveness' and 'perfectiveness']. *Zasedanie komissii po izucheniiu grammaticheskikh struktur slavianskikh iazykov Mezhdunarodnogo komiteta slavistov* [Meeting of the commission on the research of the grammatical structures of the Slavonic languages of the International committee of the Slavists]. Ljubljana, Univerza v Ljubljani Filozofska fakulteta, 2014, pp. 18–19. (In Russian)
28. Khrakovskiy V. S. Est' li u nesovershennogo vida v russkom iazyke povtoritel'noe (neogranichenno-kratnoe / mnogokratnoe / iterativnoe / uzual'noe / khabitual'noe) znachenie? [Does the imperfective aspect in the Russian language have repetitive (infinite many-folded / multifold / iterative / usual / habitual) meaning?]. *Voprosy iazykoznaniiia* [Issues of the linguistics], 2014, no. 4, pp. 3–14. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 22 июня 2015 г.

Контактная информация

Храковский Виктор Самуилович — доктор филологических наук; khrakovv@gmail.com
Khrakovskij Victor S. — Doctor of Philology; khrakovv@gmail.com